

Научная статья
УДК 821.161.1.09“19”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.9802

Христианские образы и мотивы в кижских сюжетах русской прозы 1960 — начала 1970-х гг.

Н. Л. Шилова

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: natalia.l.shilova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ христианской топики в прозаических произведениях об острове Киж. Методологически исследование сочетает ставшие уже классическими приемы изучения локального текста с принципами исторической поэтики, возвращая к возможностям диахронического анализа. Это позволяет принять во внимание не только вневременные семантические константы образа острова Киж в литературе, но и интеллектуальный контекст позднесоветской литературы, привлекающий сейчас внимание многих исследователей. 1960–70-е гг. — период появления наибольшего массива текстов об острове. В статье предложена классификация христианских топосов в текстах этого времени. Более подробно рассмотрены три произведения разных авторов (рассказ Ю. Казакова «Адам и Ева», рассказ И. Мазурук «Киж», книга В. Пулькина «Кижские рассказы»), в которых эксплицитно и имплицитно присутствует христианская топка — образы церкви, иконы, библейский сюжет об Адаме и Еве, евангельские образы апостолов. В прозе советских писателей, как и в поэзии, исконное религиозное значение христианских топосов чаще всего уведено в подтекст. Присутствие христианских символов носит здесь амбивалентный характер и требует легитимизации: через фольклорные сюжеты, через тему исторической памяти, диалога прошлого и настоящего и т. д. Эта амбивалентность хорошо иллюстрирует сложность оттепельной интеллектуальной и духовной атмосферы, противоречивое отношение к христианским традициям русской литературы.

Ключевые слова: Киж, русская литература, локальный текст, оттепель, сюжет, христианская топка

Для цитирования: Шилова Н. Л. Христианские образы и мотивы в кижских сюжетах русской прозы 1960 — начала 1970-х гг. // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 318–334. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9802

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9802

Christian Images and Motifs in the Kizhi Plots of Russian Prose in 1960 — Early 1970-s

Natalya L. Shilova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: natalia.l.shilova@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of Christian topics in prose works about the island of Kizhi. Methodologically, the study combines the approaches of studying the local text that have already become conventional, with the principles of historical poetics, bringing back the possibilities of diachronic analysis. This allows to take into account both the timeless semantic constants of the Kizhi Island image in literature, and the intellectual context of late Soviet literature, which is now attracting the attention of many researchers. 1960–70s are the period when the largest number of texts about the island appeared. The article offers a classification of the Christian topoi in the texts of that period. Three works by different authors are considered in more detail (Yu. Kazakov's short story *Adam and Eve*, I. Mazuruk's short story *Kizhi*, and V. Pul'kin's book *The Kizhi Tales*), in which the Christian topic is represented both explicitly and implicitly — in the images of the church, icons, biblical story about Adam and Eve, gospel images of the apostles. In Soviet prose and poetry, the primordial religious meaning of Christian topoi is most often concealed in the subtext. The depiction of Christian symbols is ambivalent and requires legitimization: through folklore, through the theme of historical memory, dialogue of the past and present, etc. This kind of ambivalence clearly illustrates the complexity of the intellectual and spiritual atmosphere of the Thaw and the contradictory attitude of Russian literature towards the Christian traditions.

Keywords: Kizhi, Russian literature, local text, the Thaw, plot, Christian topic

For citation: Shilova N. L. Christian Images and Motifs in the Kizhi Plots of Russian Prose in 1960 — Early 1970-s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 318–334. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9802 (In Russ.)

Анализируя появление и развитие кижских сюжетов в русской литературе, мы обнаружили присутствие заметного числа христианских образов и мотивов. Христианская топика явно и многообразно присутствует и в художественных текстах, связанных с легендарными северными островами —

Соловками и Валаамом. Это закономерно как в связи с их историей и ландшафтом, где определяющей на протяжении нескольких столетий была деятельность монастырей, так и в связи с временем появления и развития соловецких и валаамских сюжетов русской литературы. Исторически связанные между собой (монастырь на Соловках был основан в XV в. валаамскими монахами Зосимой и Савватием), соловецкий и валаамский литературно-публицистические нарративы активно формировались уже в XIX столетии, а если учесть пласт агиографической литературы, можно сделать вывод, что они восходят к Средневековью¹. На этом фоне несколько иначе выглядит ситуация с кижскими сюжетами, основной корпус которых сформировался гораздо позже, в советское время, преимущественно послевоенное.

Термин «кижские сюжеты» будет нами применен к совокупности литературных произведений и их мотивно-образному наполнению, связанному с островом Киж. Категория «сюжет», взятая в одной из трактовок А. Веселовского как «тема, в которой снуются разные положения-мотивы» [Веселовский: 305], представляется нам продуктивной для решения задач нашего исследования, построенного на соотношении ландшафтных, исторических, биографических и т. п. реалий с мотивно-образным и — далее — смысловым наполнением тех художественных произведений, которые острову посвящены или в которых он упоминается. Кроме того, тесная связь понятий «мотив» и «сюжет» с категорией времени, их динамический характер позволяют обращать внимание и на изменения культурной репрезентации локуса в диахронии, в разных исторических контекстах. Исследование кижских сюжетов показывает, например, что в XX в. в достаточно сжатый период времени сформировались не только разные индивидуально-авторские образы острова, но и разные его поколенческие репрезентации [Шилова, 2020: 57]. Метод исторической поэтики, на наш взгляд, позволяет учесть и исследовать этот диахронический аспект, как, например, сделал В. Лепяхин, изучая иконические образы и мотивы в русской литературе XIX–XX вв. и выявляя изменения их семантики в разные периоды историко-литературного процесса [Лепяхин: 275].

Термин «сюжет» может продуктивно использоваться и в расширительном смысле — в самом общем значении истории, рассказанной автором или включенной в текст с определенной целью. Вслед за Ю. Лотманом сюжет мы понимаем как универсальную литературную категорию, применимую в том числе и к лирическим текстам с поправками на своеобразие их структуры и развертывания [Лотман: 103–106], равно как и к корпусу прозаических текстов — художественных, публицистических и пр. Как в свернутом (в качестве отдельных мотивов), так и в развернутом виде в произведениях о Кижях часто входили уже существующие местные легенды, исторические предания, а новые сюжеты, обращенные к современности, художественно переосмысливали классическую для литературы фабулу о путешествии на остров. Множественное же число — «кижские сюжеты», а не «кижский сюжет» — соответствует вариативности авторских историй, часто непохожих одна на другую, хотя бы в их основании и лежали впечатления от одного и того же острова. В этом исследовании локальных сюжетов дополняет ставшее уже традиционным исследование локальных текстов — петербургского, московского, крымского, сибирского и проч., ориентированное, начиная с работ основоположников, наоборот, на изучение константных черт, вневременного единства, «ядра», существующего внутри «совокупности вариантов» [Топоров: 16–17].

Христианская топика появляется в кижских сюжетах очень рано, фактически в начале их формирования. Первые литературные тексты об острове стали появляться в 1920-е гг. Это были поэмы Николая Клюева. И уже в этих первых литературных репрезентациях острова он встает волею автора в один ряд с христианскими святынями Севера:

«Палеостров, Выгу, Киж, Соловки
Выплескали в книгу радуг черпаки»².

Ранее мы рассматривали образы кижских храмов в общем контексте произведений о Кижях, преимущественно поэтических [Шилова, 2018: 29–50]. Продолжим эти наблюдения на материале прозаических произведений об острове 1960–70-х гг., взяв более широко круг христианских топосов, которые в них

обнаруживаются. 1960–70-е гг. — период появления наибольшего массива текстов об острове. Это время ознаменовалось стремительным изменением жизни острова в связи с начавшейся в 1940-е гг. деятельностью по реставрации Кижского погоста и организацией музея русского деревянного зодчества, привлекшего на остров впервые за его историю тысячи туристов из СССР и из-за рубежа. Среди посетителей острова в это время бывали и литераторы — Сергей Михалков, Юрий Казаков, Евгений Носов, Виктор Астафьев, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский и др. Многие авторы, побывавшие на острове в те годы, откликнулись на поездку своими произведениями — стихами, очерками, прозой [Шилова, 2018: 50–69].

В настоящей статье мы рассмотрим те художественные тексты, где христианские образы и мотивы имеют наиболее явное религиозное, а не только историческое, эстетическое и т. п. значение. Потому что в текстах советского периода, как уже было сказано, немало примеров, когда образ храма осмысливается строго в историко-архитектурном или эстетическом ключе. Особенно это характерно для раннесоветских произведений об острове, например, для повести Константина Паустовского «Судьба Шарля Лонсевилья (1933 г.) или романа Виктора Чехова «Возмутители» (1939 г.), где авторы сфокусированы на сюжете о кижском восстании XVIII в., перекликавшемся с революционной тематикой раннесоветской литературы. Христианская топка в этих произведениях фактически отсутствует. Это же характерно и для очерков К. Паустовского 1930–50-х гг. и произведений некоторых авторов 1960–70 гг., которые восхищаются Кижским погостом скорее с точки зрения искусства, называя Кижь «деревянной Флоренцией»³, анализируя особенности северной иконописи и храмовой архитектуры с точки зрения истории изобразительного искусства⁴. Подобная оптика вполне понятна в контексте идеологических тенденций литературы советского периода, особенно довоенной. Исследования последних лет показывают, что послевоенный идеологический климат в СССР существенно отличался, был менее гомогенен и включал такие внутренние противоречия и сдвиги, которые позволили появляться

в печати на фоне продолжавшейся антирелигиозной пропаганды и текстам, в той или иной степени ей противоречившим [Юрчак: 54–67].

Повести и рассказы 1960–70 гг., в которых упоминается или описывается остров Киж, могут включать эксплицитные или имплицитные христианские топосы. Эксплицитность проявляется как в их опознаваемости, так и в позиции, которую они занимают в тексте. Например, если автор помещает их в заглавие, как в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева». Или если, как Н. Климонтович, выносит в качестве эпитафии к рассказу цитату из Евангелия от Луки: «И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем...» (Лк. 19:41)⁵. Имплицитность проявляется в почти обязательной двойственности интерпретации с возможностью одновременно светского (чисто исторического или эстетического) их истолкования. В условиях советской идеологической цензуры авторам во всех случаях приходилось в той или иной степени вуалировать христианские аллюзии, включая их в текст, разными способами «прикрывать» их.

В прозаических произведениях о Кижих христианские образы и мотивы возникают в следующих вариантах: 1) образы храмов, икон, креста; 2) имена христианских святых и сюжеты с ними связанные (апостолы Петр и Павел, святой Георгий); 3) библейские сюжеты (Адам и Ева); 4) евангельские цитаты. Интересно, что последние крайне редки, и это отличается от ситуации в лирике, где гораздо реже используются христианские сюжеты в развернутом виде, но зато неоднократно можно обнаружить евангельские цитаты [Шилова, 2018: 39–41, 57]. Объяснить это можно принципиальной разницей в самой ткани, в построении лирического и эпического текстов. Стремясь выразить смыслы «как можно короче и как можно полнее» [Сильман: 33], лирика прибегает к скрытым и явным цитатам из Священного Писания, используя их в качестве коротких референций, не развертывая в сюжет в самом поэтическом тексте.

Рассмотрим три примера, расположив их в хронологическом порядке публикации текстов. Первый случай — один из самых выразительных. Отсылка к библейскому сюжету об

Адаме и Еве во многом определяет смысловые планы одноименного рассказа Юрия Казакова («Адам и Ева», 1962). Остров Кижи здесь не назван напрямую. Но легко угадывается по ряду топографических примет. С точки зрения поэтики рассказ может быть отнесен к лирической прозе в том отношении, что он организован по концентрическому принципу: рассказ о событиях нескольких дней позволяет автору коснуться трех разных тем — любовь мужчины и женщины, путь художника и загадка человеческого бытия. Две темы из трех коррелируют с не самым обычным для рассказа советского писателя заглавием «Адам и Ева».

Параллель с Адамом и Евой возникает как метафора, вырастающая из сопоставления героев рассказа с прародителями рода человеческого. Библейская аллюзия поддержана и пространственной организацией рассказа: художник Агеев и его подруга Вика едут на труднодоступный северный остров, чтобы побыть наедине — подобно Адаму и Еве в раю до начала времен. Исторически сложившаяся семантика образа острова прекрасно подходит такому сюжету: еще в средневековых текстах острова ассоциировались с местом расположения рая [Айрапетян: 11]. Но современные потомки Адама и Евы вернуться в рай не могут, и любовная линия рассказа завершается в финале крахом:

«Агеев повернулся к северу и сразу увидел источник света. Из-за церкви, из-за немои ее черноты, расходясь лучами, колыхалось, сжималось и распухало слабое голубовато-золотистое северное сияние. И когда оно разгоралось, все начинало светиться: вода, берег, камни, мокрая трава, а церковь проступала твердым силуэтом. Оно гасло — и все сжималось, становилось невнятным и пропадало во тьме.

Земля поворачивалась. Агеев вдруг ногами, сердцем почувствовал, как она поворачивалась, как она летела вместе с озерами, с городами, с людьми, с их надеждами — поворачивалась и летела, окруженная сиянием, в страшную бесконечность. И на этой земле, на острове под ночным немым светом был он, и от него уезжала она. От Адама уходила Ева, и это должно было случиться не когда-нибудь, а сейчас»⁶.

Приведенная довольно обширная цитата позволяет обратить внимание на пространство, в котором разворачивается

финальная сцена. Фоном для драматичного расставания Агеева и Вики становится вид освещенного северным сиянием неба и силуэт старинной церкви, к которой, надо отметить, повествование регулярно возвращается. И здесь завершения достигает другая тема рассказа — тема духовных поисков героя, раскрывающаяся в рассказе через ряд символических реплик и деталей, связанных с христианской топикой. Это и выбор места для свидания с Викой — безлюдный, как надеется Агеев, остров со старинной церковью. И его реплика «Ну, вот и конец света!» (вместо «край света») по прибытии на остров, отсылающая к еще одному тексту Священного писания — Апокалипсису. И короткий диалог между персонажами после ночной отлучки Агеева на острове, когда он в одиночестве бродит по острову и забирается на колокольню:

«— Где ты был вечером? — спросила Вика, помолчав.

— Там... — неопределенно махнул рукой Агеев. — Наверху! У Бога» (Казаков: 276).

Благодаря библейской аллюзии, вынесенной в заглавие, внешний светский сюжет рассказа Казакова получает дополнение в виде христианского по значению подтекста. Это и рассказ о двух современниках, которые не могут найти общий язык, и память о библейском сюжете. Причем одна история в своем роде объясняет другую. Невозможность понять друг друга поневоле осмысливается как предзаданная, вечная. Но и движение друг к другу, поиск любви находят объяснение в этом сопоставлении современных для автора героев и библейских Адама и Евы. Причем вся система мотивов рассказа поддерживает эту внутреннюю метафору. Например, большую роль играют лейтмотивы света и тьмы, которые тоже уверенно можно отнести к топике религиозных текстов. И для Казакова это неслучайно — христианские мотивы будут по нарастающей звучать в его рассказах. Кульминации это достигнет в более поздних рассказах «Свечечка» и «Во сне ты долго плакал». Христианские мотивы были для Казакова неотъемлемой частью поэтики «русского рассказа», представителем которого он хотел быть вслед за Иваном Буниным. Известны его слова из письма Тамаре Жирмунской 1958 г.:

«Вчера придумал, а сегодня начал писать новый рассказ. Рассказ о Пасхе, о пасхальной ночи, о благовесте, о любви, о весне, о добре и вечной жизни — и да поможет мне Господь Бог! Я так рад теперь — главное, чтоб не растерялось то, что вчера подкатило и так ясно встало и вообразилось, что у меня аж мурашки по коже пошли»⁷.

А спустя год в письме к Виктору Конецкому появится своего рода манифест Казакова:

«Задумал я, дядя, не более, не менее, как возродить и оживить жанр русского рассказа — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Задача гордая и занимательная. Рассказ наш был когда-то силен необычайно — до того, что прошиб даже самонадеянных западников. А теперь мы льстиво и робко думаем о всяких Сароянах, Колдуэллах, Хемингуэях и т. п. Позор на наши головы!.. Давай напряжем наши хилые умишки и силишки и докажем протухшему Западу, что такое советская Русь!»⁸.

И поездка на Кизи, состоявшаяся в 1959 г., и сюжет рассказа, родившийся из этих впечатлений, позволили реализовать важные для этой литературной преемственности мотивы уже в 1962 г., в разгар хрущевской оттепели, когда рассказ был опубликован.

Еще один текст с явными «оттепельными» чертами — рассказ Ирины Мазурук «Кизи» (1967). Он гораздо менее известен широкому читателю. Отчасти это связано с трагической судьбой автора, сценаристки и писательницы, рано ушедшей из жизни. В рассказе встречается редкий для советской литературы образ иконостаса (иконостас Преображенской церкви был доступен для посетителей острова в 1960-е гг., демонтирован в 1980–1981 гг. и в 2020 г. открыт после реставрации). По всей вероятности, образ иконостаса появляется в позднесоветской литературе еще реже, чем красный угол, примеры появления и семантику которого, в том числе на материале некоторых произведений советских писателей, рассматривал в диахроническом аспекте В. Лепяхин [Лепяхин: 208–276]. Интересно, что конкретная номинация иконы появляется в произведениях о Кизях дважды — это икона XVIII в. «Вход в Иерусалим»⁹.

С иконой оказывается связан кульминационный эпизод рассказа, когда съемочная группа столичных телевизионщиков пытается заснять образа Преображенской церкви, и сначала у них ничего не получается по разным техническим причинам, а затем все они переживают странный момент, когда икону снимают со стены, и в тот же момент округа оглашается громким пугающим ревом:

« — Так, — сказал Василий Иванович, — ну, начнем с божьей помощью. В каком порядке снимать будем, Майя Александровна?

— Да давайте подряд. Я буду говорить, какие не нужно... Прямо вот с этой крайней давайте начнем. Сначала общий план, а потом укрупните вот эти три картиночки в левом углу.

— Понятно. Владимир, следи там! Давай, Анатолий, сымай!

Толя прошел к иконе, встал перед ней, примериваясь, как половчее ухватиться. В полосе солнца многочисленные бляшки на джинсах ярко блестели, похожие на шляпки гвоздей.

Наконец он взялся за нижний край доски и приподнял ее.

— А ведь грех, наверное, — усмехнулся он, — ох, покарает нас десница божия...

И в тот же миг низкий протяжный, вибрирующий рев воорвался в оранжевую тишину церкви. Клокоча и надрывая душу, он заметался под куполом, наполняя все углы и даже узкие щели между досками стен.

Все замерли. Толя остолбенел, прижимая снятую икону к груди.

Наконец, рев умолк, выполз в распахнутые двери. И стало тихо»¹⁰.

Эпизод с иконой в рассказе примечателен тем, что содержит целый ряд христианских топосов — это и пространство храма, и иконостас. Место действия оказывает влияние даже на речь персонажей, телевизионщики начинают использовать обороты «с божьей помощью», «грех» (*Мазурук*: 164–165). Предметы, в окружении которых обнаруживают себя герои, как будто обладают свойством изменять реальность. К христианскому топосу чуда отсылают неожиданность и эмоциональная напряженность событий в церкви. В то же время религиозное значение этих деталей присутствует как бы в «снятом» виде: персонажи, как кажется, не относятся всерьез

к происходящему, реплики их носят полуиронический характер, а чудо тут же находит свое вполне прозаическое объяснение — «рев» в момент снятия иконы — это гудок теплохода с туристами. Развитие сюжета, впрочем, поддерживает скорее исконное значение христианской топики, поскольку приводит к катарсическим мотивам финала, когда образ острова оказывается резко противопоставлен окружающей обыденности:

«До ближайшего поезда оставалось еще часа три. Она пошла было в вокзальный ресторан, но там было так сумрачно и шумно, так пахло картошкой и томатным соусом, а Кизи были еще так близко, что она поспешно закрыла тяжелую застекленную дверь и, выйдя на перрон, нашла удобную скамейку и расположилась на ней, подобрав под себя ноги и положив голову на вытянутую руку» (*Мазурук*: 167).

И далее, когда уже в купе обратного поезда «Мая» легла и попыталась мысленно прикинуть свои дела на завтрашний день. Но перед глазами у нее все плыли по Онежскому озеру белые лампы-лебедушки (деталь, отсылающая к эпизоду съемок в церкви, когда у телевизионщиков возникли проблемы со светом. — *Н. Ш.*), и она поняла, что ей не вернуться в Москву, пока поезд не привезет ее туда» (*Мазурук*: 167). Финал рассказа Мазурук эмоционально и семантически контрастирует с началом повествования, когда столичная журналистка тяготится мыслями о необходимости провести, точнее потратить, день жизни в провинциальном городке, сигнализирует о внутренних изменениях, случившихся во время пребывания на острове. «Выдвинутый», акцентированный финальной реминисценцией эпизод с иконами в храме, очевидно, маркирует для читателя это катарсическое начало в рассказанной истории.

Два цитированных выше рассказа интересны и похожи между собой тем, что выходят за пределы советского идеологического канона в область христианской топики. Примечательна рефлексия на тему возможного конфликта с цензурой внутри самого рассказа Ирины Мазурук. Снимая Кижский погост, телевизионщикам все время приходится решать вопрос, брать ли в кадр сохранившиеся на острове христианские символы:

«— Мы сняли больше, чем две части, — сказал Толя, сидя над ними, на перилах, — там метров семьсот, не меньше. — Жалко натуру-то сокращать... — вздохнул Василий Иванович. — Нет, сокращать надо за счет икон, — сказал Толя. — Тем более все равно, наверное, придерутся: одни иконы да кресты, а как же антирелигиозная пропаганда?» (*Мазурук*: 165).

Но выходят очень осторожно, без явного конфликта с каноном. Образы церкви и иконы появляются в текстах на правах реалий, связанных с историческим прошлым. Древность острова и древность церкви много раз подчеркнуты в рассказе Казакова:

«Сойдя с пристани, отвернувшись от озера, он опять увидел древнюю большую церковь и маленькую гостиницу, приютившуюся подле <...> Но что-то в церкви этой было властное, вызывающее мысли о гениальном народе, об истории — еще о покое, уединении» (*Казаков*: 269).

«Он думал, что, конечно, ей не триста лет, а неизмеримо больше, что она так же стара, как земля, как камни» (*Казаков*: 274).

И у Мазурук:

«Как тысячу лет назад, так же зигзагом горели края кустов за озером, и длинный тонкий туман тянулся над водой...» (*Мазурук*: 157).

В то же время оба текста не принадлежат к историческому жанру, их действие разворачивается в середине XX в., и в обоих — с большей открытостью и прямой авторской рефлексией у Мазурук, более глубоко и прикрито у Казакова — звучит важная для литературы оттепели тема поиска баланса, связи между прошлым и настоящим, своего рода реабилитации национальной традиции после нескольких десятилетий революционной риторики с ее отрицанием прошлого. Ср. у Мазурук:

«Издали доносился, приближаясь, ровный рокот: по Онеге обратно к Петрозаводску летел “Метеор”, как ящер на коротких лапах. Он пронесся мимо и обезглавленное отражение собора в воде задрожало, перекашиваясь, судорожно рассыпаясь по краям. Эх, это было то, что нужно: старое и новое, “Метеор” — с крыльца Кижского собора, Кижский собор — с палубы “Метеора”» (*Мазурук*: 154).

Тема диалога прошлого и настоящего сближает с оттепельными текстами и вышедшую в 1973 г. книгу историка и художника, фольклориста и легендарного кижского экскурсовода В. Пулькина «Кижские рассказы». Сюжеты сказов включают и время второй половины 1960-х гг., когда по рекомендации Д. Балашова В. Пулькин пришел работать в музей Киж. Вместе с Н. А. Криничной Виктор Иванович Пулькин в 1960–80-е гг. объездил значительную часть Русского Севера в пределах Карелии и за ее пределами, собирая в экспедициях фольклорные тексты и записывая живую речь северян. Хранящиеся в архиве Карельского научного центра РАН материалы этих экспедиций показывают, что В. Пулькин уже тогда интересовался жанром христианской легенды. Позднее, в 1990-е гг., это увлечение выльется в цикл беллетризированных житий местных святых — «Северная Фиваида». А во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. Пулькин пишет один за другим сказы, основанные на фольклорном заонежском материале.

Обращение к христианским мотивам и здесь отмечено двойственностью. Например, в том, как под одной обложкой сочетаются ироничный сказ «Архиерейская уха», в котором боящийся своего церковного начальства поп «к колдуну на поклон бегал»¹¹, и торжественное и поэтичное «Слово о Петре и Павле», герои которого, северные мастера, ремесленники, напоминают своими именами апостолов. Текст назван автором «Слово». В названии легко прочитывается отсылка к канону древнерусской литературы, христианской по своей направленности. То есть само название приуготовляет читателя к сюжету об апостолах. Неудивительно, что в повествование вплетаются христианские топосы. Так, описание людей новгородцев, плывущих к Кижам, начинается с упоминания образов, освящающих суда:

«Под парусом соблюдалась икона.

Егорий-копейщик в золотых латах; красный плащ, белый конь. Лицом юн и светел, разит копьём змея, извечного врага рода человеческого. Защищает красну девицу — ненаглядную красу.

Еще икона — Никола. Старец в белых крещатых ризах благословляет двоеперстием на путь по волнам. Он — в море водитель, он — в бедах спаситель»¹².

Номинация героев, христианская топика, мотивы чуда в сюжете сказа в совокупности ведут к тому, что мастеров Петра и Павла, прибывающих на Кижь, вполне можно принять за апостолов, которые, преодолевая границы времени и пространства, освящают своим присутствием Русский Север.

Христианские образы и мотивы органично входят в кижские сюжеты. В рассказе Казакова «Адам и Ева» смысловым центром повествования становятся старинная церковь с погостом и ландшафт маленького северного острова. В книге В. Пулькина «Кижские рассказы» христианские топосы (иконы, имена героев и др.) предстают в форме отдельных деталей и эпизодов, в связке с фольклорными преданиями, темами исторической памяти, диалога прошлого и настоящего и т. д. В рассказе И. Мазурук затронута тема цензурных ограничений в изображении христианских символов. Цензурные условия преодолевались писателями, вступающими в живой диалог с христианской традицией русской литературы. Рассмотренные прецеденты и контексты иллюстрируют сложность интеллектуальной и духовной атмосферы советского периода, которую, по справедливому наблюдению А. Юрчака, долгое время напрасно упрощали до бинарной картины официальной и неофициальной культуры, «официоза» и «андеграунда» [Юрчак: 40]. Изучение кижских сюжетов позволяет видеть, в каком контексте, в связи с какими темами христианская топика появлялась у советских авторов, в каких формах (эксплицитных и имплицитных) сохранялась христианская традиция в советское время, в том числе во вполне официальных изданиях.

Примечания

- ¹ О валаамском и соловецком текстах см. подробнее: [Бедина, Матонин], [Михайлова], [Франк].
- ² Клюев Н. А. Сочинения / под общей ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Б. м. [Germany] A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1969. Т. 2. С. 310.
- ³ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. М.: Сов. Россия, 1966. Т. 2. С. 679.
- ⁴ См.: Волынский Л. Кижь: очерк // Волынский Л. Кижь. Сквозь ночь. М.: Сов. писатель, 1974. С. 697–724; Дементьев В. В. Кижь // Дементьев В. В. Северные фрески. Вологда, 1967. С. 61–65.

- ⁵ Климонтович Н. Вход в Иерусалим на белой лошади: [Рассказ о Кижях] // Климонтович Н. Ранние берега: рассказы и повесть. М., 1977. С. 132.
- ⁶ Казаков Ю. П. Адам и Ева // Казаков Ю. П. Собр. соч. : в 3 т. М.: Русский миръ, 2008. Т. 1. Странник. С. 278. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Казаков* и с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁷ Жирмунская Т. Мы — счастливые люди // Мурманский берег: литературный альманах. Мурманск: Кн. изд-во, 1996. № 3. С. 93.
- ⁸ Конецкий В. Опять название не придумывается // Нева. 1986. № 4. С. 78.
- ⁹ См.: Вольнский Л. Кижь: очерк. С. 703; Климонтович Н. Вход в Иерусалим на белой лошади. С. 132–133.
- ¹⁰ Мазурук И. Кижь // Знамя. 1967. № 3. С. 164–155. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Мазурук* и с указанием страницы в круглых скобках.
- ¹¹ Пулькин В. И. Кижские рассказы. М.: Советский писатель, 1973. С. 92.
- ¹² Там же. С. 98.

Список литературы

1. Айрапетян В. Русские толкования. М.: Языки русской культуры, 2000. 208 с.
2. Бедина Н. В., Матонин Н. Н. Образ Соловков в русской поэзии // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 206–223.
3. Веселовский А. П. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 300–307.
4. Лепахин В. В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М.: Паломник, 2005. 475 с.
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
6. Михайлова Л. В. Валаам как духовный центр культурного пространства Русского Севера // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Mikhailova/\(01.06.2021\)](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Mikhailova/(01.06.2021)).
7. Сильман Т. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель, 1977. 223 с.
8. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской культуры // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 4–29.
9. Франк С. Соловецкий текст. Часть 1 // Имагология и компаративистика. 2017. № 1. С. 166–180.
10. Шилова Н. Л. Остров Кижь и русская литература. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 143с. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/shilova/ostov_kizhi_i_russk_literat/total.pdf (01.06.2021).
11. Шилова Н. Л. Остров Кижь и писатели-деревенщики: история несложившихся отношений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2020. Т. 42. № 5. С. 52–59.
12. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.

References

1. Ayrapetyan V. *Russkie tolkovaniya* [*Russian Interpretation*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 208 p. (In Russ.)
2. Bedina N. V., Matonin N. N. The Image of the Solovki in Russian Poetry. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [*Bulletin of Slavic Cultures*], 2019, vol. 53, pp. 206–223. (In Russ.)
3. Veselovskiy A. P. Poetics of Plots. In: *Veselovskiy A. Istoricheskaya poetika* [*Veselovsky A. Historical Poetics*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, pp. 300–307. (In Russ.)
4. Lepakhin V. V. *Ikona i ikonopochitanie glazami russkikh i inostrantsev* [*The Icon and Icon Reverence in the Eyes of Russians and Foreigners*]. Moscow, Palomnik Publ., 2005. 475 p. (In Russ.)
5. Lotman Yu. M. *Analiz poeticheskogo teksta* [*Analysis of the Poetic Text*]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1972. 271 p. (In Russ.)
6. Mikhaylova L. V. Valaam as a Spiritual Center of the Cultural Space of the Russian North. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [*Knowledge. Understanding. Skill*], 2009, no. 4. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Mikhailova/> (accessed on June 1, 2021). (In Russ.)
7. Sil'man T. *Zametki o lirike* [*Notes on the Lyrics*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1977. 223 p. (In Russ.)
8. Toporov V. N. Petersburg and the Petersburg Text of Russian Culture. In: *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury: Peterburg* [*Semiotics of the city and urban culture: Petersburg*]. Tartu, 1984, issue 664, pp. 4–29. (In Russ.)
9. Frank S. The Solovki Text. Part 1. In: *Imagologiya i komparativistika* [*The Imagology and Comparative Studies*], 2017, no. 1, pp. 166–180. (In Russ.)
10. Shilova N. L. *Ostrov Kizhi i russkaya literatura* [*The Kizhi Island and Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2018. 143 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/shilova/ostov_Kizhi_i_russk_literat/total.pdf (accessed on June 1, 2021). (In Russ.)
- Shilova N. L. Kizhi Island and “Rural” Writers: a History of Failed Relationship. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Proceedings of Petrozavodsk State University*]. Petrozavodsk, 2020, vol. 42, no. 5, pp. 52–59 (In Russ.)
11. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [*It Was Forever, Until it Was Over: The Last Soviet Generation*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 644 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шилова Наталья Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8818-8535>; e-mail: natalia.l.shilova@gmail.com.

Natalya L. Shilova, PhD (Philology), Associated Professor of the Department of Classical philology, Russian literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8818-8535>; e-mail: natalia.l.shilova@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.08.2021

Принята к публикации / Accepted 25.08.2021

Дата публикации / Date of publication 30.09.2021